

• • •

Penelope Lively

Heat Wave

I996

Пенелопа Лайвли

Жаркий сезон

пер. Екатерины Доброхотовой-Майковой

Москва, 2017

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)6-44

Л12

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

Лайвли, П.

Л12 Жаркий сезон / П. Лайвли ; [пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой]. – М. : РИПОЛ классик / T8RUGRAM, 2017. – 272 с. – (Жаркий сезон).

ISBN 978-5-519-60867-1

Блестящий роман о жизни английской интеллигенции. Обманчиво простая история, которая начинается с абсолютной идиллии, перерастает в драму и заканчивается трагедией.

В жаркий летний сезон Полина пригласила пожить за город свою дочь Терезу с мужем Морисом и их маленьkim сыном Люком. Морис занимается творческой работой: он пишет новый путеводитель по этой части страны. На первый взгляд кажется, что у Терезы – идиллический брак. Но Полина замечает нарастающую дистанцию между дочерью и зятем. В гостях у Мориса часто бывает редактор Джеймс вместе со своей подругой Кэрол. И в один прекрасный день Полина начинает опасаться, что Морис не на шутку увлекся Кэрол...

Новый блистательный роман от лауреата Букеровской премии Пенелопы Лайвли, удивительный по силе и искренности повествования.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44
BIC FRD
BISAC FIC027020

*This edition published by arrangement
with David Higham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency*

© Penelope Lively, 1996

© Перевод. Доброхотова-Майкова Е., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

ISBN 978-5-519-60867-1

© T8RUGRAM, 2017

I

Начало мая, середина дня, коттедж с поэтическим названием «Дали». Полина у себя в кабинете, глядит в окно — не на сочную зелень полей, уходящую к холодной голубизне неба, а на Терезу, которая стоит снаружи с Люком на руках и смотрит вдоль проселка на шоссе. Полина воспринимает Терезу двояко: во-первых, как свою дочь, которая держит на руках сына и ждет мужа; во-вторых, как архетипический образ молодой женщины с ребенком, матери с младенцем. Эта картина тянет за собой целый воронок ассоциаций. Мать и дитя, пшеничное поле, две разбитые колеи проселочной дороги — путь в неведомое. Через одну призму Тереза — героиня Гарди, уж наверняка обманутая и брошенная, трагическая фигура. Через другую — лирический образ молодости и обновления. А для Полины сквозь нее проступает целая череда личных ассоциаций, других версий Терезы, звеньев цепи, которой они обе неразрывно скреплены с прошлым. Сейчас майский день в «Долях» и вместе с тем — отрезок двух жизней. Даже трех, если считать Люковы год и три месяца.

Вообще-то Тереза стоит там не просто так. Она уже заметила солнечный блик на лобовом стекле Морисовой машины, когда та сворачивала с шоссе.

ПЕНЕЛОПА ЛАЙВЛИ

А вот и сама машина: ползет, словно черный лоснящийся зверь средь зеленого колыхания. Люк тоже ее приметил, и малыш преисполнился предвкушением предстоящей встречи. Он поворачивает голову и указывает всей пятерней. «Па! – кричит Люк. – Па!» Это он объявляет: «Едет мой папа!»

Полина слышит его в открытое окно. Она тоже следит за подъезжающим автомобилем, видит, как он сворачивает с проселка к тому месту у дома, которое отведено для парковки. Морис открывает дверцу, вылезает наружу, целует Терезу, и они вместе идут на свою половину сдвоенного дома. Полина отворачивается от окна и смотрит на письменный стол. Берет карандаш, делает пометку в рукописи.

«Дали» сами по себе архетип – и, как таковой, обманчивы. Это серое каменное здание на склоне холма где-то в центральной части Англии. Холм за домом венчается купой деревьев, которые изящными силуэтами чернеют на фоне неба. Вид с дороги, если правильно его сфотографировать, может служить рекламой автопрома (чтобы сюда добраться, нужна машина), хлебопромышленности (здесь выращивают самую экологичную пшеницу), тури промышленности (приезжайте сюда, и вы сможете любоваться такими же красотами). Кажется, будто дом так и застыл в начале девятнадцатого столетия: двухэтажный коттедж на три семьи, сложенный из камня, добывшего в карьере неподалеку, и крытый местным шифером. Дом уютно притулился среди полей, как будто возник тут сам по себе, вырос из каменного

скелета здешней земли. Это эманация времени и места.

В реальности «Дали» зависли среди пасторальных холмов фантастической машиной времени — темпоральной капсулой, внутри которой негромко гудит техника: компьютеры, телефоны, факсы, микроволновки, холодильники, телевизоры, видеомагнитофоны. «Дали» тщательно замаскированы, словно командный бункер, оборудованный на случай ядерной войны и надежно укрытый дерном.

Здание полностью выпотрошено. Три жилища превращены в два, от старой конструкции остались оконные проемы, камины, несколько старых дубовых стропил и лестница. Парадная дверь левой части коттеджа, той, что побольше (в ней теперь живут Тереза и Морис), открывается прямо в просторную кухню-столовую. Дальше, в новой пристройке, гостиная, выходящая окнами на общий сад. Эргономичная винтовая лестница ведет из угла кухни в спальню и санузел на втором этаже. В мансарде у Мориса кабинет.

Та часть коттеджа, поменьше, где живет Полина, устроена совсем иначе. Кухня и столовая расположены симметрично по двум сторонам узкой прихожей, из которой по лестнице можно подняться на второй этаж. Лестница — та самая, что сохранилась от старой планировки, — невозможна крутая, с узкими высокими ступеньками. Полина поставила с обеих сторон перила и все равно опасается за гостей. По-хорошему лестницу надо было заменить при ре-

ПЕНЕЛОПА ЛАЙВЛИ

конструкции, но тогда она казалась неотъемлемой частью дома, а сейчас нет сил снова затевать мороку с рабочими и грязью.

Разумеется, везде светло и тепло — всюду проведено электричество и центральное отопление. По всему дому установлена автоматика, на индикаторных панелях сменяются зеленые циферки. Телефоны несут круглосуточную вахту. Компьютеры и факсы стоят наготове в кабинетах Мориса и Полины. Оба могут войти в глобальную коммуникационную сеть, запросить информацию из библиотек в другой части страны. «Дали» — волк в овечьей шкуре. Он укоренен во времени и пространстве не больше, чем кабина пилотов «Боинга-747».

«Дали»... Странное название для коттеджа. Полина пыталась выяснить, откуда оно взялось, с тех самых пор, как десять лет назад приобрела дом, и ничего не могла разузнать, пока Морис не пояснил: в прошлом веке модно было давать стоящим на отшибе коттеджам имена, в которых хозяевам чудилась экзотика: романтическая или чуть ироническая. «Дали». «Край земли». «Ботани-бей». «Тасмания». «Утопия». «Райские кущи». Морис сообщил это, стоя на проселке напротив дома, в свой первый приезд, еще до женильбы, — сообщил небрежным тоном, будто повторяя общеизвестное.

Сейчас, сидя у себя за столом, Полина делает небольшую пометку в чужой рукописи, вновь смотрит на дорогу и как наяву видит Мориса, роняющего это замечание. В его взгляде, как всегда, когда он делит-

ся своими обширными знаниями, сквозит самоирония; Полине интересно и одновременно чуточку неприятно.

На миг в памяти возникает Тереза, она стоит в сторонке, пока Полина и Морис беседуют о коттедже, смотрит только на Мориса, целиком погруженная в свою любовь, растворившаяся в ней без остатка.

Тереза и сейчас, три года спустя, по-прежнему влюблена в Мориса. Это видно любому. И особенно Полине. Она увидела это и десять минут назад, когда Тереза ждала Мориса, в ее позе, в повороте головы, в том, как она бралась за ограду и тут же отдергивала руку. И, наблюдая все это, Полина в точности знала, что Тереза чувствует. Могла в любой миг поменяться с нею местами: стать не Полиной, а Терезой — только в другой день, в другое десятилетие, — проводящей время в таком же постоянном ожидании.

А вот и он — не подъезжает на машине, но быстро идет через толпу на вокзале Виктория. Полина видит его издали, однако не бежит навстречу, а стоит там, где стояла, потому что эти минуты — самые сладкие: легкий трепет узнавания, когда она замечает его среди других пассажиров, ни с чем не сравнимое ощущение полноты жизни, когда все чувства обострены до предела. Она будет длить это дивное предвкушение. Вот он уже в нескольких ярдах, улыбается, машет рукой. Вот заключает ее в объятия. Гарри. Она ощущает его кожей, чувствует его запах. И ничего лучше на свете нет.

Удивительно: сейчас, когда эти секунды возвращаются к ней в мыслях, ощущения куда отчетливее и ярче зрительных образов: платформы, лица пассажиров, Гарри. Сам Гарри – не более чем условный раздражитель, включающий воспоминания о пережитых чувствах.

Полина прочитывает еще страницу рукописи, которую сейчас редактирует. Исправляет орфографическую ошибку, тактично обращает внимание на повтор слова. Затем отодвигает рукопись на край стола, зевает, потягивается и несколько мгновений сидит неподвижно в подступающих майских сумерках. После серой холодной весны внезапно наступило тепло. Уже и впрямь верится, что будет лето. Сегодня она впервые работает с открытым окном. В другой половине дома окно, видимо, тоже открыто. Сышен голос Мориса – неразборчивый гул речи: вероятно, он говорит по телефону. Он часто говорит по телефону.

«Далям» примерно сто семьдесят лет. Полине пятьдесят пять. Терезе двадцать девять. Морису сорок четыре.

Полина купила коттедж на деньги от продажи родительского дома после смерти матери – та пережила отца всего на два года. Тогда Полина еще работала редактором в лондонском издательстве. Тереза училась в художественном колледже. Морис еще не возник в их жизни и поэтому в планах не учитывался. Вообще-то в то время он зарабатывал себе репутацию молодого писателя-бунтаря, автора книг о необычных аспектах истории человечества, льстящих